

Н. АРСЕНЬЕВ

О мирозерцании и благочестии Православной Церкви

Невозможно в кратком очерке изобразить все богатство предмета, но невозможно это было бы и в большой книге. Но вместе с тем самое центральное, самое основное и решающее, смысл и содержание всего, религиозной жизни Церкви, может быть указано в нескольких словах.

«Сия есть победа, победившая мир — вера наша» (1 Ин 5:4). Не от мира сего, и вместе с тем вошло в мир и победило мир, и просвещает мир! Ибо «Слово плоть бысть», «и мы *видели* славу Его» (Ин 1:14) — в этих иоанновских словах сосредоточен весь смысл христианства, эти слова основоположны и для всего мирозерцания, для всей религиозной жизни, для всего благочестия Православной Церкви.

Ибо она неумоимо, неотрывающимся взором созерцает эту явившуюся и воплотившуюся в Иисусе Христе *Полноту Божества*. Единородный Сын Божий истинно «человек бывает» и «с человеками поживе», и возрождает весь род человеческий и весь мир воплощением Своим и страданием Своим, и венцом явления Своего и откровения Вечной Жизни — *победой над смертью, истинным во плоти воскресением из мертвых*. Потoki жизни излились в мир из пришествия в мир Вечной Жизни, и Православная Церковь неустанно сосредоточивается всем вниманием своим, всем существом своим на этом явлении и на этой победе Вечной Жизни. В этом — весь смысл апостольской проповеди, этим питается все христианство вообще, и на Западе и на Востоке, поскольку оно есть христианство, но в Православной Церкви с особой силой вся жизнь духовная укоренена *в этом созерцании славы и победы* добровольно униженного, добровольно пострадавшего и воскресшего Сына Божия, вся жизнь ее духовная погружена в это созерцание, вытекает из этого созерцания.

Созерцание славы Его! «Ангел послан бысть рещи Богородице: радуйся. И со бесплотным гласом воплощаема Тя зря, Господи, ужасашася»... Из жития напр. преп. *Кирилла Белозерского** мы знаем, как он при чтении этого *акафиста** Матери Божией погружался душою в созерцание славы и величия воплощения Христова.

Особенно же раскрывается внутреннейшая жизнь Церкви нашей в радости пасхальной ночи.

«Очистим чувства и узрим неприступным светом воскресения Христа блистающая и «радуйтесь» рекуща... Христа узрим правды солнце, всем жизнь возсияющая». «Ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя: да празднует убо вся тварь востание Христово». «Яко воистину священная и всепраздненственная, сия спасительная ночь, и светозарная, светоносного дне востания провозвестница, в ней же бестленный свет из гроба плотски всем возсия». Какое-то упоение торжеством и радостью и ликованием и уверенностью в уже осуществленной победе дышет в этих песнопениях Церкви.

Проповедь Воскресения есть основание всего христианства, всей проповеди христианства («если Христос не воскрес, то проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша; но Христос воскрес, первенец из умерших» (1 Кор. 15: 14, 20)). Проповедь воскресения есть основание, есть определяющий фон всей жизни, всей радости, всего мирозерцания, всего опыта религиозного, всего подвига Православной Церкви. Недаром *Серафим Саровский** встречал приходивших к нему — не только в пасхальное время, но и в остальную часть года — словами: «Христос воскрес, радость моя». Поэтому Православие так космично: Вечная Жизнь, вошедшая в мир, явилась закваской преобразования мира. «О, чудесе! Како вкуси смерть всех жизнь? Но яко хоте мир просветити»... Поэтому «все концы мира ликуют о восстании Твоем из мертвых».

«Да веселятся небесная, да радуются земная, яко сотвори державу мышцею Своею Господь, попра смертью смерть»...

Но не однобокая это радость, не «розовое христианство» — нет, радость, вытекающая из участия в подвиге Христовом, из сораспятия Ему, из Креста Его. Ибо Крест Христов животворящ и есть источник радости, из креста и гроба вытекает победа. Радость и — подвиг, и отказ от себя и умерщвление себя. Поэтому идеал жизни христианской для Православного мирозерцания и *радостен и аскетичен одновременно*, и только потому радостен, что рождается из креста, из смерти со Христом, из сораспятия Христу, чтобы жить со Христом в «обновленной жизни». Поэтому — го-

воря словами ап. Павла — «мне же да не будет чем хвалиться, разве как крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым мир мне распялся и я миру» (Гал. 6:14). «Любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если Один умер, то все умерли, чтобы живущие уже не для себя жили, но для Умершего за них и Воскресшего» (2 Кор. 5:14—15).

Дело не в юридическом удовлетворении, но и в настроениях, не в субъективной уверенности спасения, как она однобоко подчеркивается в некоторых протестантских сектах, а в мучительном и длительном, органическом вращении, путем подвига и самоумерщвления, путем креста, в преизбыточествующую Жизнь Христову.

Аскетизм и радость! Это характерно и основоположно и для жизни отшельников и аскетов и мистиков Православия, и для всего нравственного учения его, и для древней русской иконописи*, и для всей молитвенной и созерцательной жизни Православной Церкви. Созерцание не только воскресения, но и страданий, истинных, не воображаемых страданий и смерти Сына Божия. Но и эти страдания *осияны славой Его*, славой Воскресения: «Жизнь во гробе положился еси, Христе, и ангельские воинства ужасались, снисхождение славяще Твое». «Животе, како умираеши? како и во гробе полагаеши? Смертную же, Спасе, крепость сокрушаеши и от ада всех свободяеши». «Владыка всех зрится мертв, и во гробе мале полагается Истоцивый гробы мертвых»...

И мы должны быть «соединены с Ним подобием смерти Его», чтобы «участвовать в воскресении Его». «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова раскрылась в смертной плоти нашей» (2 Кор. 4:10) — в этих словах ап. Павла дано все нравственное учение Православной Церкви. Поток жизни вошел в мир через воплощение, подвиг и победу над смертью Сына Божия, и это есть благодатная жизнь Церкви, жизнь Духа Святого в нас, начатки преобразования твари (ибо полнота преобразования еще впереди). Но не внешнее, «механическое» или «магическое» это приобщение человека к потокам благодатной Жизни, вошедшим в мир, а внутреннее и нравственное. Внутренне и нравственно должна быть она усвоена, она должна стать основой, питающим центром всей духовной жизни человека. Хотя не субъективно дана она, а глубоко объективно, независимо от того, воспринимаем ли мы ее или нет. Но усвоение ее нами — преобразование твари — осуществляется лишь чрез *свободный нравственный подвиг*, силою Благодати.

Нравственный элемент в жизни Церкви есть решающий. Стихия Церкви, жизнь Духа Святого, есть стихия нравственная: «будьте святы, как Он свят» (Лев. 11:44). Эта жизнь есть жизнь постоянного напряжения, неустанной борьбы, «умерщвления» плоти и дел плоти, болезненно-мучительного совлечения ветхого человека, борьба с самим собою. «Я каждый день умираю» (1 Кор. 15:31). Это есть сораспятие со Христом, несение Креста Его и следование за ним. «Кто не возьмет креста своего и не последует за Мною, не может быть Моим учеником» (Лк 14:27). Необходимы, неизбежны «тесный путь и узкие врата» (Мф 7:14 «тесны врата и узок путь»). Это есть основа христианской жизни вообще — крест Христов, добровольное участие в кресте Христовом. Это есть вместе с тем основа нравственного учения Православной Церкви. «Такова воля Духа», пишет *Исаак Сирин**: «в ком обитает Он, не приучает тех к лености. Напротив, Дух побуждает их не покоя искать, но предаваться паче деланию и наибольшим скорбям. Испытаниями Дух укрепляет их, и делает, что они приближаются к мудрости. Такова воля Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали в трудах». Ибо «если душа не вкусит ведением страданий Христовых, то не будет иметь общения со Христом». Участие в страданиях Христовых есть необходимая предпосылка для участия в Его преображенной жизни. Неослабным призывом к подвигу, к мужественной борьбе дышит все учение Церкви.

Не ставит Православная Церковь вопроса, как определить взаимоотношение благодати к свободе и к подвигу человека. Ибо таинственно это и не хватит мудрости человеческой раскрыть превосходящие человеческое познание тайны духовной жизни — жизни Духа в нас. Ибо утверждает Церковь — ежечасно, ежесекундно, каждым дыханием своим — необходимость подвига. И вместе с тем знает она, что глубоко немощен человек, что бессилен человек бороться со злом без помощи Божией. Поэтому нет заслуг человеческих, не своими заслугами спасаемся мы, а лишь благодатию Божией, и подвиг наш осуществляется лишь помощью Божией. Что можем мы сделать? Лишь взывать о помощи, о милосердии. «В бездне греховной валяясь, неисследную милосердия Твоего призываю бездну». Даже слез раскаяния нет у нас, даже сокрушения истинного нет; даже о нем должны мы молиться: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче». «Слезные ми подаждь, Христе, капли, скверны сердца моего очищающие». Даже покаяние есть дар Его. Вся наша возрожденная жизнь есть дар Благодати. И вместе с тем не пассивному самоуспокоению и самоуслаждению учит Церковь, а беспрестанному активному

устремлению, беспрестанному «восхождению сердца» к Богу, беспрестанному «воззванию» в мыслях своих («воззвание в пленениях помышлений моих»), *жизни молитвы*. Жизнь Церкви есть жизнь молитвы, нравственная жизнь Церкви есть жизнь молитвы. Ибо, что можем мы сами! — Ничего, только взывать к Богу. Но, взывая, получаем помощь и силу на подвиг — не свою силу — *Его силу*. На подвиг *борьбы* со внутреннейшим врагом — с помыслами греха, осаждающими нас со всех сторон. Ибо недостаточно внешней чистоты: «очищение ума — вот — совершенство!», говорит *Макарий Египетский**. Но одни, своей силой, мы с этим внутренним врагом справиться не можем. «Не может ум победить демонское мечтание сам, своею силою; да не дерзает на сие никогда... Но против призывания имени Иисусова враги и минуты устоять и злокознствовать против тебя не смогут». Итак «будем врачевать недуг сердца непрестанным призыванием Господа нашего Иисуса Христа: ибо без Него не можем мы «творити ничесоже» (*Исихий Иерусалимский**). Поэтому чем выше подымается человек на пути совершенствования, чем больше очищается, тем больше возрастает он в смирении. Ибо тем яснее видит он свое ничтожество и свое бессилие и преизбыточествующую силу Божию. И величайшая трезвенность духовная сочетается с высотами духовной жизни. Поэтому весь путь духовный часто обозначают отцы этими двумя словами: «молитва и трезвение».

И вместе с тем уже на земле праведники, святые живут начатками Жизни Вечной, жизнью Духа Святого. И порою даже тела их отчасти уже просветляются избытком благодати, которым говорят их души. Это мы видим иногда на останках святых, а иногда эта слава Божия уже при жизни святых отблеском своим касается тел их (срв. сияние облика Серафима Саровского во время беседы его с *Мотовиловым**).

Высшее *преображение тварного силою Божией* имеем в Таинстве Евхаристии, этом центре жизни церковной. Ибо здесь, как в одном потоке, сходятся все струи, образующие жизнь Церкви. Присутствие Господа, страдающего и прославленного, соединение Земного с Небесным, и претворение Земного, Тварного в Небесное — в истинную плоть и истинную кровь Сына Божия, и просветление немощной человеческой природы через приятие в себя, через вкушение плоти и крови Его, вследствие чего мы становимся «Христоносцами» (выражение Кирилла Иерусалимского⁸), душою и телом. И восприятие нами в себя семени Вечной Жизни, вследствие чего тела наши получают уже теперь залог воскресения, как говорит *Ириней Лионский** («тела наши, вкушающие Евхаристию, уже не тленны, но имеют надежду воскре-

сения... они восстанут в свое время»). И нравственное питание духа нашего силою благодати — ибо мы не заслужили его и не можем заслужить этого избыточествующего, безмерного дара, — и сознание полной немощи нашей, полного ничтожества и греховности нашей, и вместе с тем непрестанное нравственное напряжение, неослабный зов сердца, сокрушение сердца: «Ослаби, остави, прости Боже..., сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови в утробе моей»... (из молитв перед причащением). И вместе с тем это есть таинство братского единения во едином Господе; существо и природа Церкви с особой силой раскрываются в этом таинстве: «мы все образуем одно Тело, ибо причащаемся от одного хлеба» (1 Кор. 10:17). Живые и умершие, Церковь земная и Церковь небесная, и на первом месте в ней, прославленнойнейшая из всех творений Божиих Пречистая Матерь Божия, — все объединяются воедино вокруг Евхаристической жертвы. Мы действительно составляем единое Тело, великий организм Церкви под единой Главою.

Ибо в том особенность благодатной жизни Его Святого Духа в нас, что это есть *жизнь любви*. Вечная жизнь есть жизнь любви и участие в Его Вечной Жизни есть участие в Его любви, в едином потоке любви, объединяющем нас с Ним и с братьями. «Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас!» (1 Ин 4:19). И вместе с тем «Он отдал за нас душу Свою» (1 Ин 3:16), поэтому и мы должны отдавать душу за братьев. «Как можешь ты любить Бога, которого не видел, если не любишь брата, которого видишь» (1 Ин 4:20). Это и есть основа и существо Церкви.

Объединение друг с другом в жизни любви, или вернее: жизнь Духа Божия в нас, объединенных любовью. Той любви, о которой ап. Павел писал: «Бог мне свидетель, что я люблю вас любовью Иисуса Христа» (Филипп. 1:8), о которой Господь говорил в прощальной беседе с учениками перед ночью, когда Он предан был на распятие: «По тому узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13:35).

Это есть жизнь Церкви в нас: Церковь есть жизнь любви, и познать Бога, который есть любовь, можно только участвуя в жизни любви, объединяющей нас друг с другом. Ап. Павел так свидетельствует об этом: молю Бога, «чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть вместе со всеми святыми, что есть широта и долготы и глубина и высота, и познать всякое познание превосходящую любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею» (Ефес. 3,18.19). Значит, только «укорененные в любви», только «вместе со всеми святыми», можем мы постичь широту и долготу и глубину и высоту Божию

и всякое познание превосходящую любовь Христову». Поэтому одиноко стоящий человек, замкнутый в своей индивидуальности, не может постичь тайн Божиих. Поэтому и обетование присутствия Его дано не одному, не отдельно стоящему человеку, а «двум или трем, собранным во имя Его» (Мф.18:20). Поэтому и во внутренней клетке сердца нашего, когда мы удалились из всего мира, когда нет никого между нами и Богом, мы молимся не «Отче мой», а «Отче наш». Поэтому и отшельники в пустынях, не выдавшие людского лица годами и даже десятками лет, не были одни, молясь ко Господу. Ибо пред лицом Божиим мы всегда предстоим вместе с братьями: «Отче наш». И объединяясь с Главой благодатного тела, мы объединяемся тем самым через Него и со всеми членами тела. Поэтому страждет ли один член, с ним страждут все члены; славится ли один член, с ним радуются и все члены.

Жизнь Церкви есть продолжение откровения славы Его, это продолжение его богочеловеческой жизни — в нас верующих. Это — Его жизнь, в которую мы должны вращаться все больше и больше. Поэтому Церковь видима и вместе с тем и невидима. Только духовному, но не телесному, только просветленному духовно взору, взору веры, видим источник жизни ея, питающая и одушевляющая ее сила — Дух Божий.

Нельзя Его силу и жизнь раскрыть внешне как геометрическую проблему. Но Он сам свидетельствует о себе — внутренне с преобладающей силой как Источник Жизни. Так апостольская проповедь была «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлениях духа и силы» (1 Кор. 2:4).

Это есть благодать, поток благодатной жизни, Его внутренняя жизнь в нас. «Ибо мы даже не знаем, о чем молиться как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными... Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы дети Божии» (Римл. 8.26,16).

Но — повторяем — не отдельно, одиноко стоящему человеку дается Дух Божий, а лишь участвующему в жизни Тела Христова, т. е. Церкви. Величайший из русских религиозных мыслителей А. С. Хомяков* (1804—1860) так изображает с вдохновенным проникновением эту жизнь Церкви, охватывающую всех и вся узами взаимной любви, сам будучи в ней глубоко укоренен: «Мы знаем, когда падает кто из нас, он падает один; но никто один не спасается: спасающийся же спасается в Церкви, как член ее, и в единстве со всеми другими ее членами. Верует ли кто? он в общении Веры; любит ли? он в общении Любви. Молится ли? он в общении Молитвы...

...Не говори: «какую молитву уделю живому или усопшему, когда моей молитвы недостаточно и для меня?» Ибо неумеющий молиться, к чему молился бы ты и за себя? Молится же в тебе дух Любви. Также не говори: «к чему моя молитва другому, когда он сам молится и за него ходатайствует Сам Христос?» Когда ты молишься, в тебе молится дух Любви. Не говори: «суда Божьего уже изменить нельзя», — ибо твоя молитва сама в путях Божиих и Бог ее предвидел. Если ты член Церкви, то молитва твоя необходима для всех ее членов. Если же скажет рука, что ей не нужна кровь остального тела и она своей крови ему не даст, рука отсохнет. Так и ты Церкви необходим, покуда ты в ней, а если ты отказываешься от общения, ты сам погибнешь и не будешь уже членом Церкви... Кровь же Церкви — взаимная молитва, и дыхание ее — славословие Божие»¹.

Из Духа Божия выводится вся жизнь Церкви. Он есть источник познания для нее. Более того: если предмет, объект нашего религиозного познания есть Бог, то и носитель, субъект истинного религиозного познания, есть также только Бог. «Ибо кто знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божиего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога» (1Кор. 2.11,12). Мы познаем Бога Духом Божиим, данным нам в Церкви. Дух Божий есть Дух Истины и не знает заблуждений; поэтому и Церковь, основой жизни, одушевляющей стихии, источником и субъектом познания которой есть Дух Божий, непогрешима. Не отдельный член или члены или группы членов Церкви непогрешимы, а все тело Церкви; ибо истина дается святости, и познание истины сочетается с нравственным подвигом, и полнота непогрешительного познания истины дается лишь полноте святости, полнотой же святости обладает не тот или другой и не те или другие отдельные члены земной Церкви, а лишь вся Церковь в совокупности, лишь Дух Божий, который есть Дух Святости и который живет в Церкви.

Поэтому — мы уже видели — не отдельный человек, как бы он ни был высок и свят и каким саном в Церкви ни был он облечен, может в совершенстве познать истину, а лишь братия, объединенные любовью, т. е. вся совокупность Церкви. Поэтому в Послании Восточных Патриархов (в ответ на окружное послание папы Пия IX, в 1848 г.)² правильно сказано, в полном соответствии с этим основанием всей жизни церковной: «у нас ни Патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое Тело Церкви, т. е. самый народ Церковный...»

Поэтому познание истины не есть для нас нечто внешнее, некое внешнее формальное действие, оно есть внутреннейший акт бытия нашего, укорененного в Церкви. И сама Церковь не есть для нас внешний авторитет, она — жизнь наша, которой мы живем, в которой мы укоренены или вернее: она есть жизнь Духа Святого во всех нас, составляющих тело Церкви. К этой преизбыточествующей жизни Духа Святого, живущего в Церкви и являющегося основой всей возрожденной духовной жизни нашей, нельзя по мнению Хомякова применить слова «авторитет» — ибо «авторитет» слишком мало, слишком внешне, оно звучит почти что кощунственно в применении к преизбыточествующему потоку благодати, который есть Церковь. «Нет: Церковь не авторитет, как не авторитет Бог, не авторитет Христос; ибо авторитет есть нечто для нас внешнее. Не авторитет, говорю я, а истина и в то же время жизнь христианина, внутренняя жизнь его: ибо Бог, Христос, Церковь живут в нем жизнью более действительною, чем сердце, бьющееся в груди его, или кровь, текущая в его жилах; но живут поскольку он сам живет вселенской жизнью любви и единства, т.е. жизнью Церкви».

Церковь не есть поэтому и нечто субъективное, только внутренне нам данное — она обладает *большой реальностью*, чем мы все, взятые вместе: это Реальность Духа Божия, который есть Податель Жизни, Господь величества и славы.

И вместе с тем Церковь — мы уже говорили — не только невидима, но и видима, и воплощается во внешних чувственных формах, и ибо Глава ее, Тот, Чей Дух живет в ней, Слово Божие, «плоть бысть и вселися в ны».

Вот в кратких словах основа миросозерцания и жизни Православной Церкви; не является эта основа ее исключительным достоянием и монополией христианского Востока, ибо это — апостольское достояние, содержание апостольской проповеди, но в том особенность Православной Церкви, что она сохранила миру во всей его полноте, широте и богатстве и в чистоте это апостольское достояние.

Как слава воскресения Христова, так и органическая, соборная природа Церкви и преображенная жизнь твари, сияют в Церкви Православной, раскрываясь в благодатных глубинах ее — несмотря на все грехи и недостойнства наши — с преизбыточествующим сиянием.

